

Чупахина Татьяна Ивановна

кандидат философских наук, доцент,
заведующая кафедрой музыкального искусства
Омского государственного
университета им. Ф.М. Достоевского

**РУССКИЙ ДУХОВНЫЙ ОПЫТ
М.П. МУСОРГСКОГО**

Аннотация:

В статье подчеркивается, что процессы глобализации, в том числе в области культуры, требуют пристального внимания и анализа философского базиса национальной культуры. Русское музыкальное искусство второй половины XIX – начала XX вв. является носителем аксиологического содержания культурной системы. Музыка как модель Универсума, как важная составляющая духовного мира русского человека представляет собой специфический способ видения мира, с помощью которого он познает себя и мир в целом. Автором не только проведен философско-культурологический анализ идей М.П. Мусоргского как представителя русской музыкальной философской мысли XIX столетия, но и показаны проявления этих идей в его произведениях. Делается вывод о том, что мировоззрение композитора со всей очевидностью указывает на его родственную связь с русской социально-философской мыслью.

Ключевые слова:

русская идея, народность, музыкальная эстетика, национальный тип, соборность, социальное служение, историософия, самопознание, рефлексия

Chupakhina Tatyana Ivanovna

PhD, Associate Professor,
Head,
Musical Art Department,
Omsk State University

**RUSSIAN SPIRITUAL EXPERIENCE
OF M.P. MUSSORGSKY**

Summary:

The paper emphasizes that the processes of globalization, including in the field of culture, require close attention and analysis of the philosophical basis of national culture. Russian musical art of the second half of the 19th to early 20th century is a carrier of the axiological content of the cultural system. Music as a model of the Universe, as an important component of the spiritual world of the Russian people, is a specific way of seeing the world, through which they know themselves and the world as a whole. The author not only carries out a philosophical and cultural analysis of ideas of M.P. Mussorgsky as a representative of the Russian musical philosophical thought of the 19th century, but also shows the manifestations of these ideas in his works. It is concluded that the composer's worldview clearly indicates his kinship with Russian socio-philosophical thought.

Keywords:

Russian idea, nationality, musical aesthetics, national type, conciliarity, social service, historiography, self-knowledge, reflection

Без преувеличения можно утверждать, что ни один русский композитор XIX столетия не был на уровне знаний своего времени в той мере, в какой был М.П. Мусоргский. Философия, история, литература, медицина, живопись, эстетика, религия – все находилось в поле его зрения; проявляя редкую осведомленность, он во многом хотел разобраться как профессионал, имеющий свой взгляд на затронутый вопрос, свое отношение к трактуемому предмету. Всем укладом своего существования он был «от мира сего», хотя одновременно хотел возвыситься над грозными схватками времени, которое проживал, над жестокими вихрями лицемерного века, горизонт которого был охвачен социальными волнениями и бурями. Формула его художественных убеждений может быть расшифрована через взгляд на искусство: «Искусство есть средство для беседы с людьми, а не цель» [1, с. 224]. В целом этим основополагающим принципом определяется вся его творческая деятельность.

Муза М.П. Мусоргского была вскормлена эстетикой просветительства. Отчаянная душевная потребность служить своей родине, народу, разобраться в собственной судьбе, завоевать счастье, чтобы в конечном счете изменить ее, вела его по тернистому пути первооткрывателя новых земель. Эта «новая земля» оказалась заселенной непривычными для русского музыкального искусства героями и образами. В этой связи можно вспомнить высказывание П. Пикассо: «Важно не то, что делает художник, а то, что он из себя представляет...» [2, с. 144].

«Соль» музыкального искусства М.П. Мусоргского – «новые люди»: семинаристы и подьячие, юродивые и калики перехожие, бояре и цари, стрельцы и царедворцы, беглые монахи и раскольники, украинские парубки и чудесные дивчины, вольнолюбивый люд и разудалая крестьянская гольтьба. Все они пришли в мир музыки прямо из жизни, без прикрас и румян. Рассуждая о творческом портрете художника, композитор Ю.А. Шапорин заявил: «Мусоргский – гордость и слава нашего народа, Илья Муромец русской музыки... Такого, как он, художника до него не было и доселе поставить с ним рядом некого... Музыка его открыла взору современников и потомков такие «дальние дали», о которых они давно даже мечтать не могли...» [3, с. 138].

Главное, на наш взгляд, в новаторстве художника не новые приемы композиции, реалистическое письмо в обрисовке образов, а «новые люди» в искусстве, которых он по-новому увидел и услышал как человек прогрессивных демократических взглядов. Русское крестьянство стало главным действующим героем его музыкального театра. Для М.П. Мусоргского социальное (русское) служение предполагало наличие социальной общности с народом, достаточно реальной, а не виртуальной. Соответственно, это побуждало к постоянному поиску смысложизненных ориентиров, поскольку они рождались нестабильной ситуацией в царской России 1870-х гг., постоянно меняющейся социальной средой внутри страны и за ее пределами. Давая характеристику национальному типу русского человека, С.Л. Франк писал как будто о М.П. Мусоргском: «Русский человек страдает от бессмыслицы жизни... Он всем существом своим ощущает, что нужно не “просто жить”, а жить для чего-то» [4, с. 503]. «Русский, – по словам Н.А. Бердяева, – не может жить, если не вносит в свою жизнь элементы высшего духовного порядка...» [5, с. 145].

К 26 годам М.П. Мусоргский окончательно сформировался как личность глубокая и многогранная. К этому времени в нем уживался и «варвар», наделенный невероятной русской стихией, и «богатырь», пахнувший черноземом, и «эстет», ловко играющий композиторскими приемами (в том числе фольклорным материалом), и «аскет», решительно отвергающий в искусстве любой компромисс и украшательство. Подобная многослойность базируется на поляризации духовных сил художника. В интимнейшем духовном делании, где художник предельно честен с самим собой, он встретился с глубинами собственного бытия, иными словами, с собой. Духовное познание начинается там, где человек в предельной искренности касается глубин собственного, а значит, и всеобщего бытия. Духовное как процесс представляет себя в разворачивании сущности, что является не чем иным, как самосознанием [6, с. 26]. Таким образом, М.П. Мусоргский имел возможность метафизически осмыслить свою жизнь, исходя из своего понимания мира и своего положения в мире.

Именно в 1865 г. были написаны вокальная сценка «Семинарист» и романс «Савишна». Эти маленькие народные сцены, индивидуальные портретные характеристики перешли потом в крестьянскую массу, которая предстала с грандиозной силой в прологе народной драмы «Борис Годунов» – в сцене «Новодевичьего монастыря», в сцене у собора «Василия Блаженного», в сцене «Под Кромами», в народных сценах «Хованщины». Такую близость к действительности, которую мы ощущаем в музыкальном мире М.П. Мусоргского, можно встретить только в лучших народных сценах Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого.

На клавише своей оперы «Борис Годунов» композитор оставил такие строки: «Я разумею народ как великую личность, одушевленную единою идеей; это моя задача. Я пытался разрешить ее в опере...» [7]. И далее в одном из писем В.В. Стасову он написал: «Народ хочется сделать без сусального» [8]. В этом видны истоки традиционного стремления русского художника к социальной справедливости, в сочетании с повышенной восприимчивостью к страданиям ближнего. Причины необычайного внимания и любви к простому люду, «оправдание народа» объясняются словами Н.А. Бердяева: «...Русские моральные оценки определяются по отношению к человеку, а не к отвлеченным началам собственности, государства. Не к отвлеченному добру... Русские ищут не столько организованного общества, сколько общности...» [9, с. 298–299].

Работая над партитурой «Хованщины», в письме В.В. Стасову композитор писал: «...В человеческих массах, как в отдельном человеке, всегда есть тончайшие черты, выскользающие от хватки, черты, никем не тронутые: подмечать и изучать их в чтении, в наблюдении, по догадкам, всем нутром изучать... Вот задача-то! Восторг и присно восторг!» [10]. Трагичной была судьба народа – и в допетровские времена, и в царствование Петра I, и в дни, когда М.П. Мусоргский вынашивал и создавал свои народные драмы. Главный и единственный герой его музыкальных произведений – правда, «какой бы ни была солонина...» [11]. В показе образа народа нет ни намека на идеализацию. Являясь ярчайшим представителем критического реализма в русской музыкальной культуре Золотого века, художник не скрывал своей ненависти к хованщине, с обличительной правдой говорил о глубоком заблуждении и слепоте раскольников, о наивности и доверчивости стрельцов, говорил, чтобы напомнить народу, что «ворог не дремлет». Неслучайно драму «Хованщина» композитор начал с «Рассвета на Москве-реке» – гимна грядущему солнцу, новой России, будущим поколениям, славному русскому народу. У всех передовых творцов мы находим эту оптимистическую ноту – преодоление трагедийности, великой драмы, веру в светлое будущее.

В народных сценах великих драм М.П. Мусоргского имеются важнейшие черты народности. Так в истории царской России XIX в. «появляется субъект, способный творить не историю вообще, а историю конкретной цивилизации, вооруженный для этого не просто интересами, но – и это главное – ценностями и святынями определенной культуры и духовности и во имя их осуществления в своей жизни, а значит, и в самой истории» [12, с. 4]. В своих оперных опусах композитор хотел объяснить настоящее через прошлое, как основу бытия себя и русского народа. Глубокая связь с историей России была для него жизненно необходимой. Он считал, что прошлое

мудрее настоящего, поскольку уже состоялось, а настоящему предстоит проявиться, стать действительностью. Его историософия заставляет нас постоянно возвращаться в прошлое, учиться, делая для себя определенные выводы, но именно она создает свои проекции бытия в будущее. Это роднит его творчество с русской философией, которая насквозь историософична, в фокусе ее внимания всегда находятся проблемы, связанные с человеком, его судьбой, историей, отношениями с окружающим миром.

Как художник-гуманист М.П. Мусоргский жил не только своей жизнью, но и жизнью отечественной культуры, нашей историей. По словам Н.Г. Козина, «человек – “я” – продукт синтеза памяти, того, что пришло и вошло в меня из прошлого. Вот почему прошлое – это больше того, чем я просто живу, это еще и то, что мною живет...» [13]. Как диалектик композитор понимал, что освоить современность, принять и понять ее невозможно, если нет той заветной «соединительной ткани» в умах и сердцах интеллигенции, которая способна осуществить связь времен, создавая четкую и логичную последовательность периодов отечественной истории.

Философская мысль М.П. Мусоргского насыщена здоровым духом, поскольку он никогда не отчуждал себя от прошлого, истории российского государства, наоборот, призывал чтить и хранить духовные ценности, духовный опыт предков. Перефразируя слова художника, скажем, что народ, теряющий историчность, а вслед за ней и идентичность, обречен на неминуемую гибель сначала духовную, потом физическую. «Прошлое – это всегда больше того, что просто было и прошло и теперь не существует, а если и существует, то где-то вне нас или на периферии нашего существования» [14].

По мнению композитора, целью творчества являлось создание «живого» человека в «живой» музыке. Сострадательность, «добротолюбие», «любомудрие», сочувствие к униженным и оскорбленным являются доминантами его мироощущения и мировосприятия. Думается, что он отдавал себе отчет в том, что его философия в звуках воплощала и формировала у соотечественников важную особенность национально-культурного менталитета – отзывчивость и сострадательность как духовные «скрепы социальной самоорганизации и как фундамент самосознания» [15, с. 18].

Итак, основными слагаемыми музыкальной философии М.П. Мусоргского, художника-гуманиста, представителя отечественной школы композиторов второй половины XIX столетия, выступают: спасение не от мира, но мира; категоризация любви; решение проблем «человек – общество»; вопрос о смысле истории бытия; личность и личность соборная; сотворчество человека и Бога. В связи с этим его художественно-философскую мысль можно по праву называть антропологичной, историософичной, социологичной, диалогичной [16]. Соборными интуициями пропитана музыкальная философия композитора, которому близка идея соборности [17], что проявляется в его произведениях как представление о единстве во множестве, единстве человека и Создателя.

За последние десятилетия в России возрос интерес к духовным ценностям отечественной музыкальной культуры XIX в. Многие исследователи предпринимают попытки выявить глубинные основания современной российской истории. Все это побуждает нас возвращаться к истокам отечественной культуры, осмысливать традиционные ценности в музыкальном искусстве.

Ссылки:

1. Мусоргский М.П. Литературное наследие. Кн. 1: Письма, биографические материалы и документы / сост. А.А. Орлова. М., 1971. 400 с.
2. Жидель А. Пикассо. М., 2007. 372 с.
3. Цит. по: Григорович В.Б., Андреева З.М. Слово о Музыке. Русские композиторы XIX века. М., 1990. 316 с.
4. Франк С.Л. Смысл жизни // Смысл жизни: Антология / под ред. Н.К. Гаврюшина. М., 1994. С. 489–583.
5. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2018. 332 с.
6. Семушкин А.В., Нижников С.А. Духовное познание и архетипы философских культур Востока и Запада. М., 2013. 231 с.
7. Мусоргский М.П. Указ. соч. С. 228.
8. Там же. С. 148.
9. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб., 2008. 318 с.
10. Мусоргский М.П. Указ. соч. С. 224.
11. Там же. С. 229.
12. Козин Н.Г. Что это? В поисках идентификационных сущностей. М., 2012. 527 с.
13. Там же. С. 4.
14. Там же. С. 8.
15. Селезнева Е.Н., Каменец А.В. Культурология Русского мира: духовные основы национального менталитета. М., 2013. 432 с.
16. Чупахина Т.И. Философия русской музыки Золотого и Серебряного веков. Омск, 2010. 224 с.
17. Чупахина Т.И. Соборность как духовная константа в музыкальной философии М.П. Мусоргского // Аксиома: актуальные аспекты гуманитарных наук. 2016. Т. 1, № 1-1. С. 46–53.

Редактор, переводчик: Арсентьева Ирина Ильинична